

Моим родным городкам
Уэллапину и Риардану

Иной мир есть,
но он находится в этом.
У. Б. Йейтс

Клуб «Синяк месяца» ✱

Я родился с водой в мозгу.

Ну ладно, не совсем так, конечно. Вообще-то при рождении у меня оказалось слишком много спинномозговой жидкости в голове. Эдак замысловато — спинномозговой жидкостью — доктора называют смазку для мозга. Мозговой жир работает внутри черепной коробки наподобие того, как машинная смазка работает в двигателе. В двигателе она нужна, чтобы все детали бегали быстро и без запинки. Но у меня — дикость, да? — со смазкой случился перебор, отчего голова стала разбухшей, отекающей, уродливой и тормозила со страшной силой. Смазка

буквально затопила мотор, который производил во мне думанье, дыхание и жизнь.

Мой мозг тонул в жиру.

Сам слышу — звучит дико и ржачно, будто у меня в башке гигантская фритюрница. Гораздо более серьезно, поэтично и точно звучит «Я родился с водой в мозгу».

Ну ладно, может, и это не слишком серьезно прозвучало. Может, вся эта история и впрямь дичь и ржака.

Но божьимой, было ли так уж смешно моим папе и маме, старшей сестре, бабушке и кузенам, моим тетушкам и дядюшкам, когда врачи вскрыли мне черепушку и отсосали лишнюю воду чем-то вроде крошечного пылесоса?

Мне тогда было полгода от роду, и по всему я должен был отдать концы во время операции. Предполагалось, что если я и переживу знакомство с мини-пылесосом, то мозг мой серьезно пострадает во время процедуры и остаток жизни я проведу овощ овощем.

Думаю, вы догадались: операцию я пережил. Иначе кто бы это всё писал, да? Но зато физических проблем у меня пруд пруди, и все они — результат повреждения мозга.

Во-первых, во мне выросло сорок два зуба. Типичный человек имеет тридцать два, верно? А у меня сорок два.

На десять больше, чем обычно.

На десять больше, чем норма.

На десять больше, чем у человека.

Я был настолько зубаст, что рот с трудом закрывался. Сходил как-то в Службу здравоохранения индейцев, чтоб выдрали часть и я мог есть как человек, а не какой-нибудь слюнявый стервятник. Но служба эта финансировала нам обращение по поводу стоматологических работ только раз в году, поэтому все десять лишних зубов мне пришлось выдрать *в один день*.

Вдобавок наш белый дантист верил, что у индейцев чувствительность к боли вдвое меньше, чем у белых, и по этой причине вколол мне только половинную дозу новокаина.

Ну не тварь, а?

Служба здравоохранения и очки индейцам выдает только один раз в году, причем исключительно в мерзкой толстой черной оправе.

Мой поврежденный мозг устроил мне близорукость на одном глазу и дальнозоркость на другом, так что мои уродские очки вышли еще и кривобокими, ну, как и глаза, собственно.

И головные боли меня мучили из-за того, что глаза у меня как два врага, как двое супругов, которые когда-то любили друг друга, а теперь на дух не переносят.

Очки я начал носить в три и бегал по резервации, как трехлетний индейский *дедуля*.

Да, и я был тощим. Боком повернусь — исчезну.

А руки и ноги огромные. В третьем классе лапа была 43 размера! С эдакими лапами и туловищем шириной с карандаш я сильно напоминал заглавную букву *L*.

Плюс огромная голова.

Гигантская!

Голова моя была такой большой, что головы других детей-индейцев казались просто спутниками на ее орбите. Некоторые так меня и называли: Земля. А другие звали Глобусом. Хулиганы ловили меня, раскручивали, тыкали пальцем в черепушку и говорили: «Хочу сюда».

Так что выглядел я, сами понимаете, нелепейше, однако гораздо хуже было то, чего не видно снаружи.

Во-первых, меня донимали эпилептические припадочки. Как минимум дважды в неделю. Так что я наносил

вред своему мозгу на регулярной основе. Забавно, что припадки-то случались именно оттого, что мозг *уже* был поврежден и каждый следующий приступ травмировал его по новой.

Ага, я наносил *вред своему повреждению*.

У меня уже семь лет не случилось эпилептических припадков, но врачи говорят, я «предрасположен к судорожной активности».

Предрасположен к судорожной активности.

Как звучит, а! Стихи прям!

Еще я заикаюсь и шепелявлю. Или, может, надо иначе выразиться — зззззаикаюсь и ссссепеляфлю?

Вроде бы речевые дефекты не угрожают жизни, но уж поверьте: нет ничего опасней, чем быть ребенком с заиканием и шепелявостью.

Пятилетний шепелявый заика даже мил. Большинство детей-актеров проложили себе путь к звездной славе именно шепелявя и заикаясь.

Божьимой, да в шести-, семи- и даже восьмилетнем возрасте это всё еще почти мило, но не в девять, и уж совсем не в десять.

И в конце концов, эти дефекты превращают тебя в тормоза.

Если тебе четырнадцать, как мне сейчас, и ты всё еще шепелявишь и заикаешься, то становишься самым тормознутым тормозом в мире.

В резервации меня называют тормозом пару раз на дню. Они называют меня тормозом, когда сдергивают с меня штаны, или пихают головой в унитаз, или просто отвешивают щелбан по макушке.

Я пишу эти строки вовсе не так, как говорю на самом деле, иначе пришлось бы наполнить текст заиканием

и шепелявостью, и тогда вы наверняка подумали бы: и на фиг я читаю рассказ, написанный *таким тормозом*.

Знаете, что бывает с тормозами в резервации?

Нас колошмятят.

Примерно раз в месяц.

Ага, я член клуба «Синяк месяца».

Конечно, я хочу гулять. Все дети хотят. Но безопасней сидеть дома. Поэтому я торчу в своей комнате, читаю и рисую картинки.

Вот такие, к примеру.

Рисую я постоянно.

Рисую карикатуры на маму, папу, на сестру и бабушку, на лучшего друга Рауди* и на всех обитателей резервации.

* Rowdy — (англ.) буян, скандалист, хулиган, бузотер, бандюган, шумный, разнузданный, упрямый, грубый, скандальный, головорез, громила, беспредельщик, отморозок. — *Здесь и далее — примеч. перев.*

Рисую, потому что слова слишком непредсказуемы.

Рисую, потому что слова слишком ограничены.

Если ты говоришь на английском, испанском, китайском или любом другом языке, тогда тебя поймет только определенный процент человеческих существ.

Но рисуй — и тебя поймет каждый.

Если я нарисую цветок, то любой мужчина, женщина или ребенок в любой точке планеты взглянет и скажет: «Это цветок».

Я рисую, потому что хочу говорить с миром. И хочу, чтобы мир меня слушал.

С карандашом в руке я чувствую себя важным. Как будто я могу вырасти и стать кем-то важным. Творческой личностью. Может, известной творческой личностью. Может, богатой творческой личностью.

Для меня это возможность стать богатым и известным.

Вы только поглядите на мир. Почти все богатые и известные не-белые — это творческие личности. Певцы, актеры, писатели, танцоры, режиссеры, поэты.

Так что я рисую, потому что для меня это единственный реальный шанс вырваться из резервации.

Сдается мне, что мир — сплошная череда прорвавшихся дамб и потопов, а мои рисунки — крошечные спасательные шлюпки.

Почему для меня так важен цыпленок *

Ладно, теперь вы знаете, что я рисовальщик. И, кажись, неплохой. Однако, как бы хорош я ни был, рисунки никогда не заменят еду или деньги. А здорово было бы: нарисовал бутер с шоколадной пастой и вареньем или кулак, полный двадцатидолларовых купюр, потом дунул-плюнул — и нате вам, всё стало настоящим. Но так я не умею. Да и никто не сумеет, даже самый голодный на свете волшебник.

Вот бы я был волшебником... Но я всего-навсего голодранец, живущий со своей голодранской семьей в голодранской индейской резервации Спокан*.

* Индейская резервация Спокан находится в штате Вашингтон. Здесь проживают 600 человек из 1500 членов этой резервационной общины племени спокан. Существует с 1881 года.

Знаете, что самое поганое в нищете? Ах, не знаете? Ну так произведите в голове простое действие.

Бедность = пустой холодильник + пустой желудок

Случались дни, когда есть вообще было нечего и вместо обеда мы спали, но рано или поздно родители радостно врываются в дом с коробкой Кентуккийского жареного цыпленка из KFC*.

Оригинальный рецепт.

Знаете, еда становится невероятно вкусной, когда ты голоден! Нет ничего восхитительней куриной ножки, если ты не ел часов эдак восемнадцать с половиной. И, поверьте мне, славная куриная ножка может кого угодно заставить уверовать в существование Бога.

Так что голод — не самое паршивое в бедности.

* KFC — это и есть аббревиатура Кентуккийского жареного цыпленка, Kentucky Fried Chicken.

А теперь, спорим, вы спрашиваете меня: «Ладно-ладно, мистер Голодный Художник, мистер Слов-полон-рот, мистер Горе-мне-горе, мистер Секретный Рецепт, что же в бедности самое паршивое?»

Хорошо, скажу вам, что самое паршивое.

На прошлой неделе мой лучший друг Оскар заболел. Сперва я подумал, что это тепловой удар. День был июльский, жаркий до чертиков (под 40 градусов при 90-процентной влажности), и многие люди теряли сознание от перегрева. Почему бы и маленькой собачке в меховой шубе не получить тепловой удар?

Я попытался дать ему воды, но он не хотел пить.

Лежал на кровати, смотрел красными, слезящимися глазами. Поскуливал от боли. Тронешь его — визжит как резаный.

Как будто все его нервные окончания торчали на пару сантиметров наружу.

Я подумал — ладно, пусть отдохнет, но потом его начало тошнить, и понос пробил, и начался припадок, его маленькие лапки дергались, и дергались, и дергались целую вечность.

Оскар, конечно, всего лишь приبلудная бездомная шавка, но это — единственное живое существо, на которое я мог положиться. Он был мне больше другом, чем мои родичи, бабушка, тети и дяди, кузены и старшая сестра. Еще он был мне учителем получше прочих учителей.

Если честно, Оскар был лучше любого человека.

— Мам, — говорю, — нужно отвезти Оскара к ветеринару.

— Он поправится, — ответила она.

Но она лгала. Когда она врет, глаза у нее всегда темнеют в середине. Она была индейцем спокан, а значит, нику-

дышным лжецом. Что совершенно некстати, потому что нам, индейцам, нужно уметь хорошенько врать, учитывая, сколько врут нам самим.

— Ему очень плохо, мам. Он умрет, если не отвезем его к врачу.

Она пристально смотрела на меня, и в этот раз ее глаза не потемнели, так что я понял: она собирается сказать мне правду. И уж поверьте, бывают моменты, когда ты меньше всего хочешь услышать правду.

— Младший, дорогой мой, — сказала мама. — Мне очень-очень жаль, но у нас нет денег на Оскара.

— Я тебе всё отдам, — говорю. — Честно.

— Милый, это обойдется в сотни долларов, если не в тысячу.

— Я отдам врачу. Найду работу и отдам.

Мама грустно улыбнулась и обняла меня, крепко-крепко.

Божтмой, что за дичь я нес? Какую работу может найти в резервации индейский мальчишка? Делать ставки в казино мне не позволят по возрасту, а лужаек с зеленой травой у нас тут не больше пятнадцати (и ни одному хозяину такой лужайки не придет в голову нанимать кого-то, чтобы ее постричь), а газеты у нас разносит сам старейшина племени, Уолли. Он доставляет пятьдесят газет, так что эта работа для него типа хобби.

Я ничего не мог сделать, чтобы спасти Оскара.

Ничего.

Ничего.

Ничего.

Несколько часов я пролежал на полу рядом с ним, гладил по голове и шептал его имя. Потом вернулся папа

(уж не знаю откуда), и они с мамой имели долгий разговор — один из тех, когда что-то решают без тебя.

А потом папа достал из шкафа ружье и патроны.

— Младший, — сказал он, — выноси Оскара во двор.

— Нет! — завопил я.

— Он страдает. Нужно помочь ему.

— Я тебе не дам это сделать! — крикнул я.

Я хотел ударить папу кулаком в лицо. Прямо в нос, чтоб кровь хлынула. Хотел ударить его в глаз, чтоб он ослеп. Хотел ударить его по яйцам, чтоб он сдох.

Во мне бушевал пожар ярости. Торнадо ярости. Цунами ярости.

Папа смотрел на меня сверху с такой грустью в глазах! Он плакал. Он казался слабым.

Я хотел ненавидеть его за слабость.

Я хотел ненавидеть маму и папу за нашу бедность.

Я хотел обвинить их в болезни моей собаки и во всех болезнях на свете.

Но я не мог винить родителей за нашу бедность, потому что мама и папа — два солнца-близнеца, вокруг которых я вращаюсь, и без них мой мир ВЗОРВАЛСЯ бы.

Не подумайте, что мои мама и папа родом из богатой семьи и проиграли всё свое наследство. Мои родители из бедных, которые были из бедных, которые были из бедных, и так далее — к самым первым бедным на земле.

Адам с Евой прикрывали наготу фиговыми листьями, а первые индейцы прикрывали наготу руками.

Нет, серьезно, я знаю, что в детстве мама с папой о чем-то мечтали. Мечтали явно не о том, чтобы стать бедными, но у них не было возможности стать кем-то другими, потому что на их мечты просто не обращали внимания.

КЕМ СТАЛИ БЫ **МОИ РОДИТЕЛИ**, ЕСЛИ БЫ КТО-НИБУДЬ ОБРАТИЛ ВНИМАНИЕ НА ИХ МЕЧТЫ:

Стильная причёска (50 фанатов, включая элиту Швейцарии)

Белый костюм из чистого хлопка

Преподаватель социологии, психологии, братского искусства

туфли точно по ноге

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОМЕДЖ СПОКАН
УЧИТЕЛЬ ГОДА (1992 - 98)

интеллектуальные очки (увеличивают IQ на 20 баллов)

классная шляпа

солнечные очки

белая рубашка (из «Кеймэрта», потому что все должно быть на уровне)

тепловые брюки (аутентичные, винтажные, заказаны на eBay)

черные лакированные ботинки (маловаты, зато их носил Майкл Джексон!)

ПЯТЫЙ ЛУЧШИЙ ИСПОЛНИТЕЛЬ ДЖАЗА НА САКСОФОНЕ К ЗАПАДУ ОТ МИССИСИПИ

Если бы маме выпал шанс, она пошла бы в колледж.

Она и сейчас читает как заведенная. Покупает подержанные книги по фунту. И помнит все, что прочла. Может целые страницы воспроизвести по памяти. Человек-магнитофон. Клянусь, мама может пятнадцать минут потратить на чтение газеты, после чего рассказать о рейтингах бейсбольных команд, в каких местах идут войны, назвать последнего, кто выиграл в лотерею, и температуру в городе Де-Мойн, штат Айова.

Если бы папе выпал шанс, он стал бы музыкантом.

Когда напьется, он распевает старые песни в стиле кантри. И блюз. У него хороший голос. Как у профи. Как у тех, кто по радио выступает. Он играет на гитаре и немного на пианино. И со школьных времен хранит старый саксофон, начищает его и полирует, словно ждет, что в любой момент его могут пригласить в джаз-группу.

Но мы, индейцы из резервации, не осуществляем свои мечты. Нам не дают шанса. И выбора не дают. Мы просто бедные. Бедные, и больше никто.

Быть бедным паршиво, и паршиво чувствовать, что этой бедности ты заслуживаешь. Начинаешь думать, что бедный ты, оттого что тупой или уродливый. А потом ты начинаешь верить, что ты тупой и уродливый, потому что индеец. А оттого что ты индеец, ты начинаешь верить, что твоя судьба — быть бедным. Замкнутый круг, черт его дери, и с этим *ничего нельзя поделать*.

Бедность не дает силы, не учит настойчивости и терпению. Единственное, чему учит бедность, — это как быть бедным.

И вот, бедный, маленький и слабый, я взял Оскара на руки. Он лизнул мне лицо, потому что любил меня и доверял. А я вынес его на лужайку и положил под яблоней.

— Я тебя люблю, Оскар, — сказал я.

Оскар посмотрел на меня, и, могу поклясться, он понял, что происходит. Понял, что собирается сделать папа. Но не испугался. Он явно испытал облегчение.

А я вот нет.

Я побежал прочь со всех ног.

Я хотел бы побежать быстрее звука, но на это никто не способен, как бы ни было внутри больно. Поэтому я услышал выстрел папиного ружья, когда он застрелил моего лучшего друга.

Патроны-то всего пару центов стоят, их любой может себе позволить.